

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

военнопленного ПОТКАНСКОГО Эдуарда Антоновича

от 4 января 1944 года

ПОТКАНСКИЙ Э.А., 1905 года рождения, уроженец местечка Хшанов, Варшавской области, по национальности поляк, по профессии маляр-красильщик, находился на службе в рабочем батальоне, сформированном немцами из поляков в Красном Бору, Смоленского района.

ВОПРОС: Что Вам известно о зверствах и злодеяниях немцев в гор. Смоленске?

ОТВЕТ: Находясь на службе в рабочем батальоне № 2, состоявшем, примерно, из 200 человек поляков, который находился в Красном Бору, Смоленского района, я в разговорах с сослуживцами и из личного наблюдения узнал о том, что в Катчи, Смоленского района немцы расстреляли много польских офицеров. Поставив перед собой цель - обострить взаимоотношения между поляками и Красной армией немецкое командование использовало учиненные им же зверства над польскими офицерами в виде компани, подвнятой против Советского Правительства, что, якобы, большое количество польских офицеров, расстрелянных в Катчи это дело рук органов советской власти еще в 1939 году. Из того, что мне пришлось услышать в разговорах с поляками в 1942 году, выходящими в Катчи и видеть в могилах расстрелянных польских офицеров, я лично как и многие другие поляки из рабочего батальона, убедился, что на самом деле эти массовые расстрелы поляков в Катчи произведены не русскими, а самими немцами в провокационных целях.

В доказательство могу привести следующие примеры:

13 июня 1943 года я прибыл в числе 8 человек поляков из Варшавы в Катчи в рабочий батальон. В это

же день командир рабочего батальона, немец по национальности, по фамилии Герайс, спросил нас - слышали ли мы, что-нибудь про Катинь и если желаем, то можем посмотреть могилы польских офицеров, расстрелянных органами Советской власти в 1939 году. Он предложил переводчику Бернадскому, чтобы тот произвел запись желающих, а в 2 часа будет подава машина для нас. Записалось до 20 человек, в том числе и я. Когда прибыли на место, то нам показали старые вырытые могилы, в которых трупов уже не было и новые могилы, куда немцы трупы расстрелянных перенесли, но и здесь мы самих трупов не видели, так как могилы были закрыты. По словам немцев в этих могилах лежало до 12 тысяч расстрелянных польских офицеров, а еще до 3-х тысяч человек находятся в другом месте и могилы эти еще не открыты. Характерно, что когда стали осматривать могилы, то мы обнаружили очень много вещей из офицерского польского обмундирования, большое количество польских бумажных денег, документов, принадлежавших расстрелянным офицерам, личная переписка, туалетные принадлежности и т.д. Причем все эти вещи и в особенности личные документы и деньги были в таком виде, в каком они никак не могли сохраниться в земле с 1939 года. Деньги, например, были еще совершенно новые и как будто не находились еще в обращении. Среди личных вещей были и такие предметы, которые не являлись польского происхождения. Так, например, я нашел в могиле золотую цепочку с иконкой не польского происхождения.

Все это свидетельствовало о том, что расстрел польских офицеров является делом рук немецкого командования. Следует отметить также и то, что немцы очень опасались разоблачения их как организаторов Катинского дела. Был случай, когда двое из поляков, посетивших могилы, фамилия одного Тайн, а другого не знаю, взяли оттуда 300 злотых, один 100, а второй 200 и послали эти деньги в письмах родственникам в Польшу как память. При просмотре цензурой писем деньги были изъяты, а пославшие их были строго наказаны: получили по 70 палок, а затем были переведены на голодный паек в течение 12 суток под стражей.

После того, как мы вернулись из Катинь в Красный Бор и стали между собой говорить, что следы, обнаруженные в могилах доказывают виновность немцев, а не русских, то я рассказывал следующий известный мне случай: "В 1940 году гестапо арестовало близкого друга моего брата Рутковского Марьяна, б/о офицера польской армии и отправило его в Германию в Каринге лагерь для политических заключенных гор. Освентим. Никаких известий о Рутковском не было до лета 1943 года. В апреле 1943 года германское командование опубликовало списки в печати расстрелянных польских офицеров в

242

Катюши. Жена Рутковского-Марьяна неожиданно объявила в числе расстрелянных фамилию своего мужа. Она сразу обратилась в Красный крест, организованный немцами в Варшаве специально для выдачи справок о расстрелянных в Катюши их семьям и родственникам. Когда она выразила недоумение по поводу того, что муж ее ведь был арестован гестапо в 1940 году, содержался в лагерях в Германии и вдруг значится в списках расстрелянных русских в Катюше, то ей велели прийти за окончательной справкой на следующий день. Ночью того же дня пришли к ней на квартиру сотрудники гестапо, арестовали и судьба ее неизвестна.

Стоявший при этом разговоре поляк Виский Эдуард тихо толкнул меня, дав знать, чтобы больше об этом не рассказывать. Скоро он отозвал меня отдельно и предупредил, что если я не хочу оказаться в руках гестапо, то больше таких разговоров не вести, так как гестапо уже семь поляков расстреляло в Смоленске за то, что они доказывали, что польских офицеров в Катюши убили немцы, а не русские. Одного из этих семи расстрелянных он назвал по фамилии Лапяко. Семьи остальных он не назвал.

Записано правильно и мне прочитано -
Потканский.

213

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

военнопленного ПОТКАНСКОГО Эдуарда Антоновича

от 4 января 1944 года

ПОТКАНСКИЙ Э.А., 1905 года рождения, уроженец местечка Хшанов, Варшавской области, по национальности поляк, по профессии маляр-красильщик, находился на службе в рабочем батальоне, сформированном немцами из поляков в Красном Бору, Смоленского района.

ВОПРОС: Что Вам известно о зверствах и злодеяниях немцев в гор. Смоленске?

ОТВЕТ: Находясь на службе в рабочем батальоне № 2, состоявшем, примерно, из 200 человек поляков, который находился в Красном Бору, Смоленского района, и в разговорах с сослуживцами и из личного наблюдения узнал о том, что в Катчи, Смоленского района немцы расстреляли много польских офицеров. Поставив перед собой цель - обострить взаимоотношения между поляками и Красной армией немецкое командование использовало учиненные им же зверства над польскими офицерами в виде компании, поднятой против Советского Правительства, что, якобы, большое количество польских офицеров, расстрелянных в Катчи это дело рук органов советской власти еще в 1939 году. Из того, что мне пришлось услышать в разговорах с поляками в 1942 году, находившимися в Катчи и видеть в могилах расстрелянных польских офицеров, я лично как и многие другие поляки из рабочего батальона, убедился, что на самом деле эти массовые расстрелы поляков в Катчи произведены не русскими, а самими немцами в провокационных целях.

В доказательство могу привести следующие примеры:

13 июня 1943 года я прибыл в числе 8 человек поляков из Варшавы в Катчи в рабочий батальон. В это

же день командир рабочего батальона, немец по национальности, по фамилии Герайс, спросил нас - слышали ли мы, что-нибудь про Катинь и если желаем, то можем посмотреть могилы польских офицеров, расстрелянных органами Советской власти в 1939 году. Он предложил переводчику Бернадскому, чтобы тот произвел запись желающих, а в 2 часа будет подава машина для нас. Записалось до 20 человек, в том числе и я. Когда прибыли на место, то нам показали старые вырытые могилы, в которых трупов уже не было и новые могилы, куда немцы трупы расстрелянных перенесли, но и здесь мы самих трупов не видели, так как могилы были закрыты. По словам немцев в этих могилах лежало до 12 тысяч расстрелянных польских офицеров, а еще до 3-х тысяч человек находятся в другом месте и могилы эти еще не открыты. Характерно, что когда стали осматривать могилы, то мы обнаружили очень много вещей из офицерского польского обмундирования, большое количество польских бумажных денег, документов, принадлежавших расстрелянным офицерам, личная переписка, туалетные принадлежности и т.д. Причем все эти вещи и в особенности личные документы и деньги были в таком виде, в каком они никак не могли сохраниться в земле с 1939 года. Деньги, например, были еще совершенно новые и как будто не находились еще в обращении. Среди личных вещей были и такие предметы, которые не являлись польского происхождения. Так, например, я нашел в могиле золотую цепочку с иконкой не польского происхождения.

Все это свидетельствовало о том, что расстрел польских офицеров является делом рук немецкого командования. Следует отметить также и то, что немцы очень опасались разоблачения их как организаторов Катинского дела. Был случай, когда двое из поляков, посетивших могилы, фамилия одного Тайн, а другого не знаю, взяли оттуда 300 злотых, один 100, а второй 200 и послали эти деньги в письмах родственникам в Польшу как память. При просмотре цензурой писем деньги были изъяты, а посланные их были строго наказаны: получили по 70 палок, а затем были переведены на годичный паек в течение 12 суток под стражу.

После того, как мы вернулись из Катини в Красный Бор и стали между собой говорить, что следы обнаруженные в могилах доказывают виновность немцев, а не русских, то я рассказывал следующий известный мне случай: "В 1940 году гестапо арестовало близкого друга моего брата Рутковского Марьяна, б/о офицера польской армии и отправило его в Германию в Каринге лагерь для политических заключенных гор. Освентим. Никаких известий о Рутковском не было до лета 1943 года. В апреле 1943 года германское командование опубликовало список в печати расстрелянных польских офицеров в

Катчии. Жене Рутковского-Марьяна неожиданно обидели в числе расстрелянных фамилию своего мужа. Она сразу обратилась в Красный крест, организованный немцами в Варшаве специально для выдачи справок о расстрелянных в Катчии их семьям и родственникам. Когда она выразила недоумение по поводу того, что муж ее ведь был арестован гестапо в 1940 году, содержался в лагерях в Германии и вдруг значится в списках расстрелянных русскими в Катчии, то ей велели прийти за окончательной справкой на следующий день. Ночью того же дня пришли к ней на квартиру сотрудники гестапо, арестовали и судьба ее неизвестна.

Стоявший при этом разговоре поляк Виский Эдуард тихо толкнул меня, дав знать, чтобы больше об этом не рассказывать. Скоро он отозвал меня отдельно и предупредил, что если я не хочу оказаться в руках гестапо, то больше таких разговоров не вести, так как гестапо уже семь поляков расстреляло в Смоленске за то, что они доказывали, что польских офицеров в Катчии убили немцы, а не русские. Одного из этих семи расстрелянных он назвал по фамилии Дьячко. Семии остальных он не назвал.

Записано правильно и мне прочтано -
Потканский.

295

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

военнопленного КОВАЛЬСКОГО Романа Ивановича

от 5 января 1944 года

КОВАЛЬСКИЙ Р. И., 1915 года рождения, уроженец г. Августово, Белостокской области, по национальности поляк, образование с классов, проживал в Варшаве, с апреля месяца 1943 года находился на службе в рабочем батальоне в Красном Бору, Смоленского района до прихода частей Красной армии.

ВОПРОС: Что Вам известно о зверствах немцев в г. Смоленске и Смоленской обл.

ОТВЕТ: По существу этого вопроса могу показать следующее: с апреля месяца 1943 года я служил в Красном Бору в рабочем батальоне, сформированном немцами из поляков. нас было больше 150 человек. Вместе со мной из Варшавы прибыло 10 человек. Сразу когда приехали в Красный Бор, то нас на двух машинах повезли в Катчнь, чтобы показать трупы расстрелянных польских офицеров якобы, органами советской власти.

По прибытии на место всех нас /до 100 чел./ выстроили у могил и одна женщина в присутствии многих немецких офицеров и жандармов выступила на русском языке. В своем выступлении она в течение 30 минут рассказывала об учиненных зверствах, якобы, органами советской власти над польскими офицерами, доказывала, что в этих могилах похоронено более 12 тысяч польских офицеров, расстрелянных русскими еще в 1939 году. После того, как она закончила выступление, нам разрешили осматривать трупы расстрелянных. Могилы были отрыты и из того, что пришлось в них видеть, нам самим, мы пришли к полному убеждению, что Катчньское дело является провокацией, организованной немецким командованием с целью внесения вражды между

советским и польским правительствами.

Факты следующие: Во-первых, немцы подвляли шум вокруг Катчинского дела, доказывая в печати и по радио, специальными об"явлениями на улицах, в трамваях и т. д., что в 1939 году органы советской власти расстреляли большое количество военнопленных польских офицеров, из числа которых более 12 тысяч похоронены в Катчине, были опубликованы даже списки расстрелянных. На самом же деле мы в могилах обнаружили почти свежие следы этих преступлений, доказывавших, что масса польских офицеров расстреляны не русскими, а немцами и что все их утверждения о том, что это сделано в 1939 году, полностью отпадают, как явно ложные. Так, например, по большинству трупов расстрелянных видно, было, что это совсем недавние жертвы, на них было полностью сохраненное обмундирование. Об этом же свидетельствовало и сохраненные личные документы, переписка и вещи убитых, а также большое количество польских денег, специально разбросанных в могилах. Причем значительное количество этих денежных купонов еще даже не было в обращении. Чтобы создать видимость, что могилы сделаны три года назад, немцы всячески замаскировали их, но и этим самым потом себя разоблачили, так как поставили на них 15-ти летние деревья.

Во-вторых, в опубликованных списках расстрелянных польских офицеров в Катчине многие из нашего рабочего батальона нашли среди фамилий убитых своих знакомых арестованных еще раньше гестапо и отправленных в концентрационные лагеря в Германию. Об этом рассказывали: Галецкий из гор. Сохочев, который обнаружил в списках знакомого ему поручика, фамилию его забыл, Поджанский рассказал, что жена его товарища нашла в списках своего мужа бывшего офицера польской армии, которого немцы арестовали и содержали в лагерях в Германии.

Один офицер из рабочего батальона, фамилию его забыл, рассказал, что среди фамилий убитых в Катчине он нашел своего отца, бывшего майора польской армии, находившегося в немецком плену.

Немецкое командование строго следило за тем, чтобы среди населения и особенно среди поляков не распространялись слухи о том, что польские офицеры в Катчине расстреляны не русскими, а немцами.

Мне известен случай, что в июне 1943 года из рабочего батальона гестапо арестовало 7 человек поляков, которых отправили в Смоленскую тюрьму. Поводом к аресту послужило, якобы, то, что они имели при себе немецкие деньги и не/положенное обмундирование.

На самом же деле их даже по этим вопросам в гестапо не допрашивали, а спросили у каждого из них - каково его мнение о Катчинском деле и после того, как из-за боязни быть расстрелянным все они ответили, что считают "виновником" Катчинского дела русских, то их освободили, предварительно предложив каждому выявлять таких из числа поляков, которые ведут разговоры о том, что польские офицеры расстреляны в Катчине не русскими, а немцами. Из этих семи человек знаю одного по фамилии Метрика.

Моего товарища Лепьяко Станислава немцы в июле месяце 1943 года расстреляли в Смоленске за то, что он среди своих знакомых доказывал, что Катчинское дело - это дело рук самих немцев.

Записано с моих слов правильно,
мне прочтано - КОВАЛЬСКИЙ.

217

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

военнопленного КОВАЛЬСКОГО Романа Ивановича

от 5 января 1944 года

КОВАЛЬСКИЙ Р. И., 1915 года рождения, уроженец г. Августово, Белостокской области, по национальности поляк, образование с классов, проживал в Варшаве, с апреля месяца 1943 года находился на службе в рабочем батальоне в Красном Бору, Смоленского района до прихода частей Красной армии.

ВОПРОС: Что Вам известно о зверствах немцев в г. Смоленске и Смоленской обл.

ОТВЕТ: По существу этого вопроса могу показать следующее: С апреля месяца 1943 года я служил в Красном Бору в рабочем батальоне, сформированном немцами из поляков. Нас было больше 150 человек, вместе со мной из Варшавы прибыло 10 человек. Сразу когда приехали в Красный Бор, то нас на двух машинах повезли в Катчнь, чтобы показать трупы расстрелянных польских офицеров якобы, органами советской власти.

По прибытии на место всех нас /до 100 чел./ выстроили у могил и одна женщина в присутствии многих немецких офицеров и жандармов выступила на русском языке. В своем выступлении она в течение 30 минут рассказывала об учиненных зверствах, якобы, органами советской власти над польскими офицерами, доказывала, что в этих могилах похоронено более 12 тысяч польских офицеров, расстрелянных русскими еще в 1939 году. После того, как она закончила выступление, нам разрешили осматривать трупы расстрелянных. Могилы были отрыты и из того, что пришлось в них увидеть, нам самим, мы пришли к полному убеждению, что Катчньское дело является провокацией, организованной немецким командованием с целью внесения вражды между

советским и польским правительствами.

Факты следующие: Во-первых, немцы подняли шум вокруг Катчинского дела, доказывая в печати и по радио, специальными объявлениями на улицах, в трамваях и т.д., что в 1939 году органы советской власти расстреляли большое количество военнопленных польских офицеров, из числа которых более 12 тысяч похоронены в Катини, были опубликованы даже списки расстрелянных. На самом же деле мы в могилах обнаружили почти свежие следы этих преступлений, доказывавших, что масса польских офицеров расстреляна не русскими, а немцами и что все их утверждения о том, что это сделано в 1939 году, полностью отпадают, как явно ложные. Так, например, по большинству трупов расстрелянных видно, было, что это совсем недавние жертвы, на них было полностью сохраненное обмундирование. Об этом же свидетельствовало и сохраненные личные документы, переписка и вещи убитых, а также большое количество польских денег, специально разбросанных в могилах. Причем значительное количество этих денежных купонов еще даже не было в обращении. Чтобы создать видимость, что могилы сделаны три года назад, немцы всячески замаскировали их, но и этим самым потом себя разоблачили, так как поставили на них 15-ти летние деревья.

Во-вторых, в оублагованных списках расстрелянных польских офицеров в Катини многие из нашего рабочего батальона нашли среди фамилий убитых своих знакомых арестованных еще раньше гестапо и отправленных в концентрационные лагеря в Германию. Об этом рассказывали: Галецкий из гор. Сохочев, который обнаружил в списках знакомого ему поручика, фамилию его забил, Подкянский рассказал, что жена его товарища нашла в списках своего мужа бывшего офицера польской армии, которого немцы арестовали и содержали в лагерях в Германии.

Один шофер из рабочего батальона, фамилию его забил, рассказал, что среди фамилий убитых в Катини он нашел своего отца, бывшего майора польской армии, находившегося в немецком плену.

Немецкое командование строго следило за тем, чтобы среди населения и особенно среди поляков не распространялись слухи о том, что польские офицеры в Катини расстреляны не русскими, а немцами.

Мне известен случай, что в июне 1943 года из рабочего батальона гестапо арестовало 7 человек поляков, которых отправили в Смоленскую тюрьму. Поводом к аресту послужило, якобы, то, что они имели при себе немецкие деньги и не/положенное обмундирование.

298

На самом же деле их даже по этим вопросам в гестапо не спрашивали, а спросили у каждого из них - каково его мнение о Катчинском деле и после того, как из-за боязни быть расстрелянным все они ответили, что считают "виновником" Катчинского дела русских, то их освободили, предварительно предложив каждому выявить таких из числа поляков, которые ведут разговоры о том, что польские офицеры расстреляны в Катчине не русскими, а немцами. Из этих семи человек знаю одного по фамилии Метрика.

Моего товарища Лепьянко Станислава немцы в июле месяце 1943 года расстреляли в Смоленске за то, что он среди своих знакомых доказывал, что Катчинское дело - это дело рук самих немцев.

Записано с моих слов правильно,
мне прочитано - КОВАЛЬСКИЙ.